

IN MEMORIAM

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ИЛЮШИН **12.02.1940 – 19.11.2016**

Девятнадцатого ноября, на 77-м году жизни, ушел из жизни выдающийся филолог, великий стиховед, поэт, переводчик, прекрасный рассказчик, заслуженный профессор филологического факультета МГУ Александр Анатольевич Илюшин.

Сложно выделить что-то одно среди воспоминаний. Перед глазами встают разные эпизоды из нашего почти трехлетнего общения (сначала это были университетские семинары и лекции, потом – спецсеминар и спецкурс, написание под его руководством курсовых и работа над дипломом). Лекция о Полежаеве. Чтение малоизвестных стихов в его особенной, неповторимой манере. Вопросы, зачастую не имеющие однозначного ответа, которые обсуждались на занятиях... Всплывают в памяти разные детали. Неизменные книги на столе, которые открывались, кажется, при всех наших встречах. Портрет Батенькова за стеклом одного из книжных шкафов. Листок, на котором были емко обозначены детали, которые обсуждаются в этот раз...

С ним всегда было интересно – с первой пары на первом курсе, когда состоялось наше знакомство, причем оно началось не с обыкновенной для занятий выдачи списка литературы устрашающих объемов и не с призывов немедленно начать читать всё, что в нем есть, а с удивительного вопроса: «Что Вам особенно интересно в изучаемом нами периоде?», до последней встречи, когда мы обсуждали переложения «Exegi monumentum...» на русском языке. Можно написать не один абзац, в котором каждая фраза начиналась бы со слов «единственный преподаватель, который...» Единственный преподаватель, который всегда приносил на занятия книги, и пара начиналась с рассматривания какого-либо тома

и его обсуждения, что задавало ей совершенно особенный и, думается, очень верный тон. Единственный преподаватель, который умел настолько полно принимать своего подопечного таким, какой он есть, — не потакать всем его взглядам, поправлять, но никогда не навязывать свою точку зрения. Единственный преподаватель, который не сверялся с часами, но всегда знал, что прошло ровно полтора часа, — что меня неизменно поражало, — однако при этом находился не в суетливом мире выверения дат и сроков, а как будто вне времени, — что удивляло еще больше.

В его изложении история литературы всегда была не историей течений или, упаси Бог, концептов, а историей творения этой литературы живыми людьми, отчего и сама она становилась живой. Однако это никогда не было умильно-восторженным повествованием об идеальных «возвышенных» поэтах — нет, это были истории о живых людях, с их недостатками и достоинствами, особенностями и странностями, отчего каждый имел собственное лицо и мог вызвать действительно живой отклик у слушателя (как ни удивительно, я не могу вспомнить ни одного героя повествования, который вызвал бы антипатию; даже в тех случаях, если речь шла о «второстепенных» или, казалось бы, чуждых по духу авторах, в них всегда находилось что-то такое, что вызывало сочувствие). Конечно, это было возможно только благодаря личному, живому и глубокому восприятию им поэзии. Каким щедрым, удивительным, неслыханным подарком судьбы было знакомство и общение с Александром Анатольевичем! Кстати, вспоминается эпизод из самого начала нашего знакомства. Третья наша встреча прилась на мой День рождения. Это был единственный раз в моей жизни, когда я категорически отказалась устраивать себе выходной в этот день, — исключительно из-за того, что днем должна быть пара с Илюшиным.

В нем сочетались любовь к выверенности деталей с любовью к мистификации, замечательное знание научной литературы с убежденностью в том, что нужно писать работы так, как ты считаешь правильным и верным для себя, склонность к оригинальным, а нередко и мрачноватым шуткам, с сочувствием что к людям, что к героям произведений.

Это был человек, который не только смог сказать на русском языке ближе всех к подлиннику о том, что в мире существует

«любовь, что движет и солнце и звезды». Это был человек, в котором действительно жила эта любовь. Один из спутников, которые наш свет своим сопутствием для нас животворили. Человек, рядом с которым, если вспомнить слова из книги одного из значимых для него поэтов, и ночь преображалась в день. Бесконечно печально думать о том, что никогда больше не встретишься с ним вживую, не увидишь глаза невероятного цвета и не услышишь того, как он особенным голосом прочитает одно из стихотворений и начнет увлекательное повествование.

В последнюю нашу встречу – единственный раз за все время! – мы не попрощались. Это представляется не случайностью, обыденной мелочью, а таинственным и значимым событием, которое запомнилось и будет вселять надежду – вместе с памятью о том, что было в течение этих трех лет. Трудно думать о том, что годы, в которые здесь особенно чувствовалась та самая *l'amor che move il sole e l'altre stelle*, уже прошли, – но отрадно вспоминать о том, что она побеждает всё, не заканчивается и всегда будет сопровождать для меня имя Александра Анатольевича Илюшина.

*Екатерина Пастернак,
студентка 4-го курса филологического факультета МГУ*

Александр Анатольевич был человеком с поразительным, почти провидческим чувством текста. Он дерзал не только реконструировать испорченные переписчиками средневековые вирши, но и преодолевать умолчания классиков Золотого века – для него, казалось, не было слишком высоких задач, неприкосновенного материала. Его догадки всегда были остроумны и интересны независимо от готовности слушателя разделить его точку зрения. В поэзии его привлекали не только «периферийные» фигуры, но, скажем больше, его привлекало то, на чем в историко-литературной иерархии может стоять отпечаток «косноязычия». Он охотно говорил о стихах прозаиков (Чехова) и стихах литературных персонажей (капитана Лебядкина), его интересовал слог авторов XVIII в., он предполагал, что в стихотворении Тютчева «*Silentium!*» косноязычие используется как основной прием выражения идеи «невывразимого».

А еще, пожалуй, ни про кого на факультете мое поколение студентов-литературоведов не рассказывало столько авантюрных полуфантастических историй. Большинство первокурсников, попадая на филфак, с замираньем и смятением чувствуют себя в окружении звезд – воплощенных героев знакомых учебных пособий. Студенты всегда склонны сочинять истории разной степени «легендарности» об этих героях, но только вслед Александру Анатольевичу могло нестись что-то совершенно невероятное вроде: «Ты не знаешь, кто это? Да ты что! Профессор Илюшин, великий стиховед! Человек, который защитил диссертацию по стихам выдуманного автора! А знаешь, как он опубликовал свой перевод “Божественной комедии” под видом Лозинского?!» Конечно, в этих полувыдуманных историях много гротеска, как это всегда бывает в фольклоре студентов. Зато на их примере хорошо видна легендарность образа Александра Анатольевича, а стать легендой при жизни – дело немалое.

Ольга Кузнецова, кандидат филологических наук

С Александром Анатольевичем Илюшиным я познакомилась в 2003 г. благодаря его ученику и другу Максиму Ильичу Шапиру. От М. И. я уже знала некоторые илюшинские стихи и много о нем слышала. Это, конечно, в значительной степени предопределило дальнейшую историю наших отношений, ведь я восхищалась А. А. еще до того, как впервые увидела, и знала заранее, с каким удивительным человеком имею дело. Сейчас я особенно рада, что мне посчастливилось узнать Александра Анатольевича в домашней обстановке: именно в камерном пространстве (семинара, куда ходит несколько человек, или домашнего урока) его можно было «рассмотреть» во всем блеске. Удивительно даже, как не подходила для этого большая лекционная аудитория! Мои однокурсники на его лекциях недоумевали. Илюшинская манера была совсем не лекторской: он ничего не диктовал, не «читал», скорее рассказывал «о том о сем», разбирал любопытные детали, задавал аудитории странные вопросы, сам давал на них неожиданные ответы. Другими словами, предпочитал все сингулярное и диковинное и избегал всего множественного, то есть того, чего от него на

поточных лекциях и ждали. Совсем по-другому шел разговор тет-а-тет или в небольшом кругу. Точнее, А. А. оставался тем же, но в обстановке семинара или домашнего урока его речь, краткая и изящная, простая в самом высоком смысле (он не пытался писать и говорить ни «умно», ни «красиво») звучала свободно и естественно. Оригинальность мысли и ясность ума, познания в самых разных и «нехоженных» литературных областях, нелюбовь к общим местам и органическая несовместимость с банальностью – всё это делало его прекрасным учителем для того, кто хотел чему-то учиться. Конечно, А. А. – профессор и ученый – это лишь малая часть его, та, что в большей степени мне знакома. Другая же, тайная, почти неизвестная, надеюсь, откроется в будущем, когда будут опубликованы вместе все илюшинские стихи.

Думая об А. А., я слышу, как он читает стихи (он это делал превосходно!), и вижу всю его какую-то эльгрековскую фигуру, будто случайно перенесенную в наш век из Проторенессанса или Ренессанса.

Вера Полилова, кандидат филологических наук